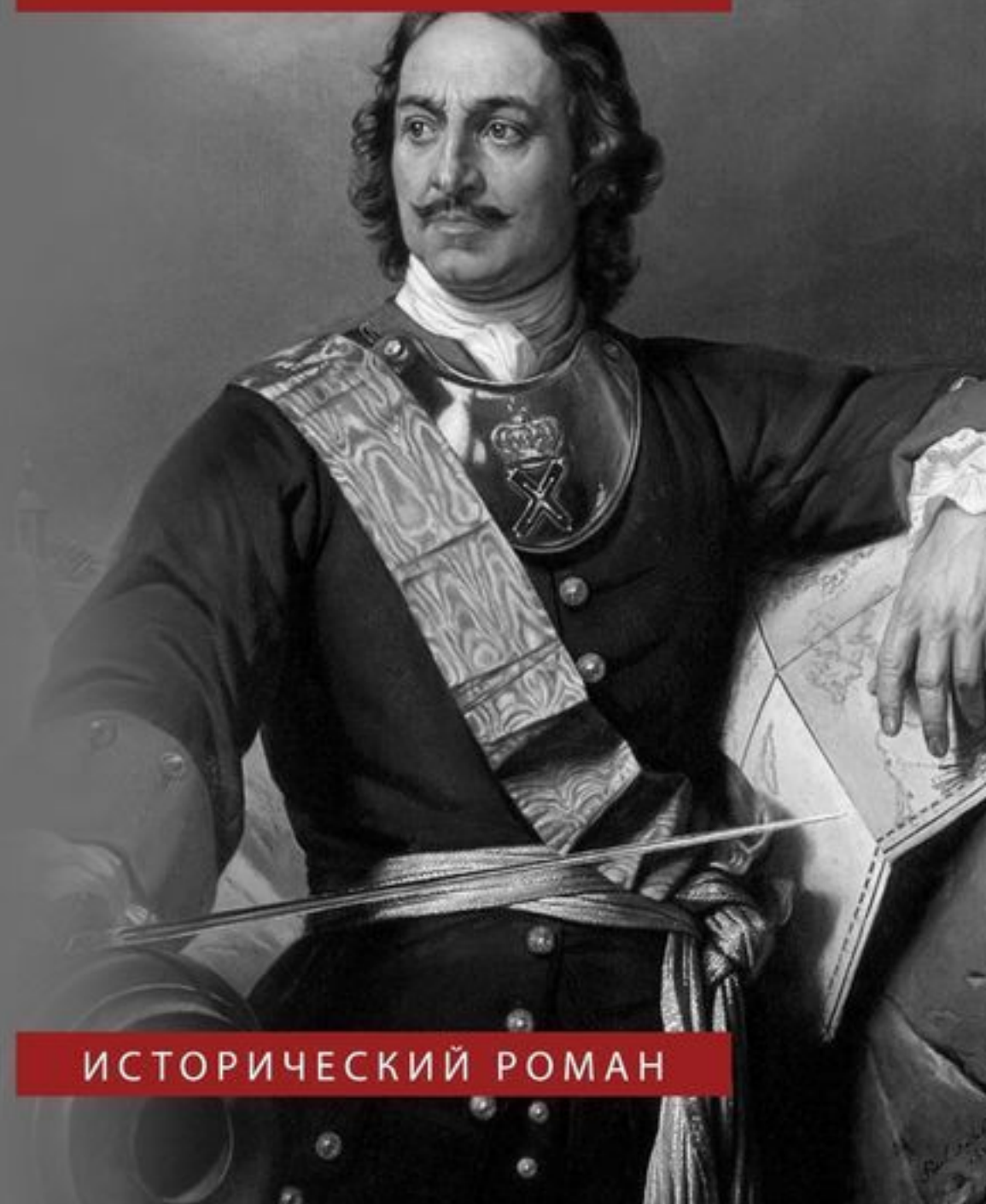

ПЕТР ПЕТРОВИЧ
КОТЕЛЬНИКОВ

МЕЧ ОТ ДАМОКЛА (ТОМ II)

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Петр Котельников

**Меч от Дамокла.
Исторический роман. Том II**

«Издательские решения»

Котельников П. П.

Меч от Дамокла. Исторический роман. Том II /
П. П. Котельников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830201-5

Император российский Петр Великий умирал, разогнав до неведомой в Европе скорости государственный путь движения страны, но не обеспечил её назначением на пост капитана избранного им наследника. Прекратив действие прежнего указа о наследовании российского престола, он не издал нового, что привело Россию после его неожиданной смерти к многочисленным потрясениям, к насильственным смертям занимавших престол. События этого периода истории страны и стали основой произведения.

ISBN 978-5-44-830201-5

© Котельников П. П.
© Издательские решения

Содержание

Власть взята, что с ней делать?	6
Прилипалы	11
Над головою меч висит	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Меч от Дамокла
Исторический роман. Том II
Петр Петрович Котельников

© Петр Петрович Котельников, 2017

Редактор Олег Петрович Котельников

ISBN 978-5-4483-0201-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Власть взята, что с ней делать?

Той стылой ноябрьской ночью одни двигались из Смольного в Зимний брать власть и за наградами, других сонных извлекали из пуховых постелей, чтобы у них власть забрать, а самих примерно наказать.

Сколько раз такое повторялось,
Я считать такое не берусь.
Как душа твоя из тела рвалась —
Родина моя, Святая Русь
И за что ты терпишь эти муки,
Милая родня сторона
Тянут лихоимцы к тебе руки
И страданиям нет конца и дна!

Переворот был кратким по времени, выстрелы не звучали, Крики и ликования взявших власть по звучанию не превышали обычного шума, доносившегося из дворца в праздничные дни и ночи. Санкт-Петербург мирно спал, ничего не ведая о случившемся. Небольшие группы гренадёр двигались по улицам города, чтобы без лишнего шума арестовать приверженцев Брауншвейгской фамилии. Так были арестованы Миних, затем граф Головкин и барон Менгден, обер-гофмашал Левенвольде и морской генерал-комиссара Лопухин. Тридцать гренадиров были отправлены арестовывать ненавистного Остермана

Арестованных отправляли в Петропавловскую крепость.

На исходе третий час ночи. Ночь темная и мороз великий, но на улицах было заметно всё усиливающееся движение. Люди небольшими группами двигались к Смольному — «царевнину дворцу», где располагался двор Елизаветы. Гвардии полки с ружьями шеренгами стояли уже вокруг него и в ближайших улицах и для облегчения от стужи во многих местах раскладывали огни, а другие, поднося друг другу, пили вино, чтоб от стужи согреться, причем шум разговоров и громкое восклицание многих голосов: «Здравствуй наша матушка императрица Елизавета Петровна» воздух наполняли

Наступило серое петербургское утро,

Во дворец Елизаветы стали стекаться важные сановники: иные приезжали сами, других приглашали. Князь Шаховской, к примеру, был разбужен стуком в ставню его спальни Экзекутор Дурново возбужденно прокричал, что надо-де «наискорее ехать в цесаревнин дворец, ибо-де она изволила принять престол российского правления и я-де с тем объявлением теперь бегу к прочим сенаторам». Шаховской бросился к окну, чтобы расспросить о подробностях, но экзекутор уже исчез. Прибыв ко дворцу князь через толпу пробрался во дворец и спросил у первого попавшегося на его пути сенатора князя Голицина:

— Как это делалось?

— Не знаю, — ответил тот, пожимая плечами

Явились генерал-прокурор князь Трубецкой, начальник Тайной канцелярии Ушаков, адмирал Головин, князь Черкасский. Был вызван и Алексей Петрович Бестужев. Все были возбуждены, никто толком ничего не мог понять. Многим из них было от чего волноваться и чего опасаться — Прежде они Елизавету не жаловали... А теперь она — императрица!..

Наконец перед собравшимися появился Петр Шувалов, камергер Елизаветы, и коротко сообщил о происшедшем. Воцарилось полное веселье, вот только было ли оно естественным?.. Вскоре из своих внутренних покоев ее императорское изволила в ту палату, где сановные вель-

можи собрались, войти и с весьма милостивыми знаками, принять от них подданнические поздравления, дозволив им руку свою целовать.

Если бы кто-то из собравшихся в душу новой императрицы заглянул, то понял бы какое, невидимое им, напряженное ожидание неприятного царило в ней. За улыбками и милостивым взглядом, прикрытая ими, царила тревога. И было от чего властвовать ей. Все перевороты и вообще любое восхождение на трон, делала партия во главе с сильным лидером: для Екатерины Первой и для Петра Второго – Меншиков, для Анны Иоанновны – Голицын, м Долгорукие, для Анны Леопольдовны – Миних. У Елизаветы Петровны ни партии, ни ее лидера не было. Елизавета – ветреная и легкомысленная, должна была сама возглавить поход во дворец. Господин случай вел ее к победе, а рядом находились слуги ее. Никто не рисковал так, как она, – уж слишком ненадежным было ее окружение

В ночь переворота 25 ноября общими усилиями министры сочинили манифест, в котором говорилось, что по смерти Анны Иоанновны наследником престола «учинен внук ее величества, которому еще от рождения несколько месяцев было», потому «правление государства через разные персоны и разными образами происходило» и в государстве были непорядок и разорение. Из-за того гвардия, а также светские и духовные чины просили для пресечения этого безобразия Елизавету, «яко по крови ближняя отеческий престол воспринять, что она и сделала».

Воронцов – камергер ее двора прочитал наскоро составленный манифест, из которого так сложно было установить, законны ли действия Елизаветы. В каком качестве ее следует воспринимать?.. Может быть, регентшей при существующем императоре Иване VI? Может она решила, свергнув власть герцогов Брауншвейгских, передать ее внуку Петра – принцу Карл — Петру Голштинскому? Мысли такие, возможно возникшие коке у кого из собравшихся были прерваны...

Манифест был объявлен, полки приняли присягу. Елизавета вышла на балкон собственного дома и была встречена общим ликованием и криками, в которых приветствовали «матушку императрицу Елизавету».

Для собравшихся главным был конец немецкому засилью!

Много будет нелестного сказано в адрес императрица российской Елизаветы Петровны, ума ее касающегося. Но скорее всего, это будет простым злопыхательством людей, плохо разобравшихся в особенностях Государыни, много сделавшей для России. Наиболее объективной, мне кажется, была оценка, данная Елизавете французским послом д'Альоном: «У нее был только женский ум, но его было у нее много».

Времени у Елизаветы было немного. Нужно было срочно укрепить тылы свои, одарив тех, на кого она могла положиться и убрать тех, кто мог ей хоть чем-то помешать, да и подумать над текстом нового манифеста, устраняющего места, возможно, недоумение вызывающие.

Алексей Петрович Бестужев, блестящий политик, и интриган не в меньшей степени, здорово поработал над текстом манифеста. Теперь он звучал так:

«Согласно завещанию Екатерины I, „утвержденный народом“ порядок престолонаследия имеет следующий вид: в случае бездетной смерти Петра II престол переходит к цесаревне Анне Петровне и ее потомству, после – цесаревне Елизавете Петровне, мужскому полу было дано предпочтение перед женским, но имелось точное указание, что никто, не принадлежащий к православному исповеданию, не имеет прав на трон. На основании завещания матери Елизавета была после смерти Петра II единственной законной наследницей, но духовная императрицы Екатерины коварными происками Остермана была скрыта от народа...»

Права на престол российский имел и внук Петра – принц Голштинский. Этот вопрос был решен приглашением в Россию его и обращением в православие. Регентшей при нём сделать Елизавету.

Позднее об этом пункте манифеста... забыли! Елизавета стала императрицей, а племянник Петр – наследником.

Наступил очередь раздачи подарков лицам, помогавших восхождению Елизаветы на престол:

30 ноября, в праздник св. апостола Андрея Первозванного, было великое торжество. После праздничной литургии в придворной церкви Елизавета раздавала чины и ордена. Генерал-аншефам Румянцеву, Чернышеву и Левашову и тайному советнику Алексею Бестужеву были пожалованы Андреевские ленты. Кавалеры прежнего двора Елизаветы Петр и Александр Шуваловы, а также Воронцов и Алексей Разумовский получили чин действительных камергеров. Лесток стал лейб-медиком в ранге действительного тайного советника, при этом он получил директорство над медицинской канцелярией и всем медицинским факультетом с жалованьем в семь тысяч рублей. Хорошие деньги, если учесть, что он мало понимал в медицине и все болезни лечил кровопусканием. Брат Алексея Бестужева Михаил был назначен вместо Левенвольде обер-гофмаршалом

Особую награду государыни получили гренадеры Преображенского полка. Они попросили у Елизаветы, как о милости, присягнуть ей первыми. После этого появился новый военный институт – лейб-компания – личная гвардия ее императорского величества, а сама Елизавета стала капитаном этой роты. Капитан-поручик в лейб-компании равнялся по чину полному генералу. Все рядовые, капралы и унтер-офицеры были пожалованы потомственным дворянством с гербами, на которых имелаась подпись: «За ревность и верность». Все они также получили усадьбы со значительным числом душ. Деревни для подарков все были из конфискованного имущества арестованных: Остермана, Миниха и прочих.

Упомянутый сержант преображенец Петр Грюнштейн за особое участие в перевороте получил дворянство и 927 крепостных. Елизавете показалось, что этого мало, и она подарила ему на свадьбу еще 2000 душ.

Крест надев на шею, не спасаешь душу,
Остается сущность та же, что была.
Если гордость, алчность продолжаешь слушать,
Помни: жадность многих к острогу привела!

Грюнштейн оказался, с точки зрения императрицы, крайне неблагодарным. Изволил возгордиться сверх меры своими заслугами. Борясь, как он думал за правду, выступил против генерал-прокурора князя Трубецкого. Трубецкой не поддержал Грюнштейна, тогда он пожаловался на Трубецкого Алексею Григорьевичу Разумовскому. В поисках правды он обвинил семью самого Разумовского. Наверное, не понимал, что своими обвинениями затрагивает тайного мужа самой императрицы. Закончилась судьба так, как в сказке «про рыбака и рыбку» сказано – Государыня милостиво изволили Грюнштейна с семейством выслать в Москву, чтобы его содержать в Тайной контре, а потом отправили всех в Устюг – на родину Деда Мороза

От веры отказаться можешь,
Что предками дана была тебе.
Змеиной не подобна коже —
Ее сменив, ты изменил судьбе
Открыл ты множество дверей
Твоей душе сулящих неудачу
Ты перекрещенный еврей,
Предателем к тому же стал в придачу!

Раздав подарки, можно было и недругами заняться

Государственный переворот породил в обществе настоящий взрыв национального чувства. Дома многих иностранцев в Петербурге подверглись разгрому, а в армии едва не произошло поголовного истребления иноземных офицеров. Пришлось вмешаться Елизавете, которая 28 ноября издала манифест, где доказывала незаконность прав на престол Ивана VI и выставляла целый ряд обвинений против немецких временщиков и их русских друзей, но защищала невинных.

По суду Остерману, Миниху, Головкину и Левенвольду были вынесены смертные приговоры. Осужденные, едва волоча ноги, поднимались на эшафот. Со стороны Невы дул пронзительный холодный ветер. Но холода собравшиеся посмотреть, как будут слетать немецкие головы не замечали. Уже стоя на эшафоте, осужденные были помилованы Государыней Елизаветой.

Смерть была заменена ссылкой в Сибирь.

Собравшиеся на площадь посмотреть на казнь злодеев, были возмущены мягкостью приговора

Толпа чуть не линчевала их. Солдаты с превеликим трудом спасли помилованных.

Теперь встал вопрос – что делать с Брауншвейгской фамилией. Вначале Елизавета думала отправить семейство, так сказать, по месту жительства, то есть за границу, была даже определена сумма их пансиона, позволяющего жить вполне безбедно. Семью в сопровождение Салтыкова отправили в Ригу, с указанием везти тихо, объезжая большие города. Потом Елизавета призадумалась, да и советчиков было много, – а правильно ли это? Во всяком случае, надо дожидаться приезда в Петербург наследника Карла Голштинского, еще неизвестно, как посмотрит на это Европа. Салтыков получил новое указание – не торопиться, по неделе жить в каждом населенном пункте. За наследником был послан в Киль майор барон Корф и благополучно 28 февраля 1742 года доставил его в Петербург.

Шло время, а Брауншвейгское семейство так и жило в Риге, понимая, что путь за границу им заказан. Заговор против Елизаветы в 1743 году (так называемый «бабий», не заговор, а недоразумение) очень ухудшил их судьбу. Елизавета боялась, а потому решила переселить все семейство на Соловки. До Соловков не доплыли, а осели в Холмогорах

Несчастный младенец-император был вместе со своими родителями сослан в Холмогоры, но содержался отдельно от семьи и никогда больше не видел ни мать, ни отца. Позже его перевели в Шлиссельбургскую крепость: Елизавета до самой смерти опасалась заговора и переворота в пользу Иоанна. Поэтому содержание экс-императора было оговорено специальной инструкцией, требующей от дежурных офицеров крепости убить заключенного, буде опасность освобождения его появится. Историки впоследствии назовут несчастного «русской Железной маской»

И опять же, ее удивительный обет, данный перед иконой: «не казнить людей смертию». Над ней потом издевалась вся Европа – какое безрассудство, какая наивность! Закон об отмене смертной казни не был официально оформлен, но ведь не казнили. Судьи продолжали приговаривать к смерти, но она не подписывала бумаги, смягчая участь осужденных. Жестокость никуда не делась, был кнут, батоги, резали языки, выжигали на лбу тавро «вор», но головы не рубили. Елизавета очень боялась свергнутого ею Ивана VI, судьба его ужасна, всю жизнь в тюрьме, но он ведь жил! Но как только трон заняла умница-разумница Екатерина Великая, его тут же и убили, а Миновича казнили «отрублением головы». А сколько по пугачевскому делу на плаху пошло! Можно, конечно, сказать, что в царствование Елизаветы не было такого масштабного и страшного бунта. Но ведь этот масштабный и страшный не на ровном месте появился, Екатерина сама создала его причины. В этом – не казнить смертию – главное вели-

чие Елизаветы, насмотрелась она казней в детстве и в молодости, и поняла, что царица должна быть милосердной.

Прилипалы

Придворные подобны прилипалам,
(У каждого отменный аппетит)
Им сколько ни давай – всё будет мало
Глаза горят, слюна ручьём бежит!

От власти оттеснен – утраты велики,
Иной какой нанесен властью вред...
Нет силы укусить – утрачены клыки...
Шипенье слышится змеиное вослед...

Власть в России сменилась. Те, кто помогал новой власти утверждаться, награждаются чинами, титулами, землями, иными благами. Кто вблизи прежней власти находился, потери несет, если не материальные, то моральные. Зависть проклятушая, скрытая и открытая, постоянно грызет, напоминая об утраченном. Особенно тяжело приходится видеть, как процветают властью наверх поднятые из низов, прежде называемые «подлыми». Одни, понимая, что злоба может наружу вырваться, сами от двора в свои вотчины уходят, чтобы нанесенные раны зализать. Другие – «кучкуются», чтобы ненавистью своею, утратами причиненною с другими поделиться. Это общение позволяет постоянно надежде тлеть на возврат к прошлому. Люди не понимают, что вернувшееся «прошлое» прежней формы иметь уже не будет. Дважды в воду одной и той же реки не войти!

Послы иностранных держав, в России пребывающие, интересы своих властителей блюдущие, всегда обращают внимание на лиц, недовольных российской властью. Такие недовольные – прекрасный источник информации, позволяющий приблизиться к пониманию происходящего, чтобы спрогнозировать свои действия в выполнении тех задач, которые были им поставлены. Самым ненавистным для многих дипломатов зарубежных была фигура Алексей Бестужева – ведущего корабль внешней политики России по курсу, не устраивающих многих, в первую очередь Францию и Пруссию. Россия тесно сотрудничала с Австрией. Ни Францию, ни Пруссию этот союз не устраивал. Ни уговоры, ни интриги, ни подкупы не помогали: вице-канцлер на уступки не шел – приходилось думать как его убрать прочь от власти путем хотя бы преступления. Но в XVIII веке предпочитали всему хорошую придворную интригу; при русском дворе в интриганах недостатка не было. Вот их и следовало использовать в грязной борьбе с ловкостью и чистотой поведения самого Бестужева, делавшим невозможным прямое нападение на него.. Бросить тень на Бестужева можно было вбить ходя бы малый клинышек во взаимодействие политических партнёров. Таким клинышком мог стать бывший посол Австрии в России – Ботта. Его рассуждения и уверения, сделанные в июне 1743 года, могли весьма не понравиться императрице Елизавете. Антон Отто Ботта уверял слушателей, что

правительство добродушной и мягкосердечной Елизаветы Петровны не могло прочно установиться в России, и вскоре должно было смениться партией Иоанна, сторонники которого рассчитывали вполне насладиться властью за время долгого регентства, установленного ими по случаю малолетства императора. Он уверял, что у него в России много друзей, разделяющие его взгляды на происходящие события

Врагам Бестужева предстояло разыскать этих друзей

Присутствующий на свадьбе графини Ягужинской с канцлером российским Михаилом Петровичем Бестужевым французский поверенный в делах Д'Альон обратил внимание на то, что вокруг выходящей замуж графини вьется немалая группа гостей, которых с полным осно-

ванием следовало бы отнести к оппозиции нынешней Государыни императрицы Елизаветы. В голове француза возник план устранения брата канцлера – Алексея Петровича, непреодолимой крепостью стоявший на пути реализации политики Парижа. План пока еще слабо прорисованный резцом мысли Д'Альона, но вполне реальный для выполнения. Центральной фигурой в этом плане становилась Анна Гавриловна Ягужинская, ставшая после свадьбы графиней Бестужевой. В девичестве она носила фамилию Головкиной. А Головкин Михаил Гаврилович, прежде занимавший пост вице-канцлера российского, был осужден императрицей Елизаветой сослан. Измазать графиню в политической грязи, означало свалить обоих Бестужевых – Михаила и Алексея.

Не умаляй возможности врага,
Не оставляй и малой щели.
Ошибка станет лишком дорога
Коль враг достигнет своей цели

Сам Д'Альон в силу статуса своего при императорском дворе был ограничен в своих возможностях. По размышлении, лучшего исполнителя, чем Лесток, ему не найти. Подвижный, умный, умеющий легко завязывать знакомства и легко находит слабые стороны в собеседнике, располагающего его к доверительному разговору, Лесток Иван Иванович, он же Иоганн-Герман, он же Жан Арман де Лесток – представитель древнего французского дворянского рода находился в России со времен Петра и наказанный им же за избыточное влечение к девицам непорочным, достиг высочайшего положения при Елизавете Петровне, стал графом, действительным тайным советником, директором медицинской канцелярии, продолжая считаться и лейб-медиком Государыни российской. Лесток понял всю выгоду «предприятия, которое может способствовать заключению союза России Франции, сделает его, Лестока, еще более нужным императрице Елизавете и даст возможность доказать Людовику XV, что получаемые из Парижа 15000 ливров ежегодно, не впустую тратятся. Ему недолго пришлось искать того, с кого следовало. Среди знакомых графини Анны Гавриловны Бестужевой самыми открыто выражающими свое недовольство правящей Государыней было семейство Лопухиных. Сред этого семейства подполковник, находящейся вне дела, Иван Лопухин недержанием слов в пьяном виде особенно отличался. Об этом Ивану Лестоку удалось узнать совсем случайно

Над головою меч висит

Мне царский двор напоминает
Собак грызущуюся свору.
Затишье временным бывает —
Собаки спят в ночную пору.

И вдруг одна поднимет вой,
Ей лаем отвечает стая.
Потом набросятся гурьбой —
Грызня идет, не умолкая.

Так и среди придворных – тишь да блажь только временными бывают. Всё временное – ничего постоянного. Друг другу кланяются, улыбаются, а за пазухой каждый булыжник носит, норовя при случае камушком тем да к головушке приложиться. Дамам целуют ручки, но и откусить пальчик, и не только его, запросто могут, зазевайся только... Между мужчинами ведутся долгие доверительные разговоры, а верить им никак нельзя – используют сказанное и целиком, и в выдержках в доносе своём. Грамота для того и дана, чтобы доносы, поскрипывая гусиным пером по бумаге, писать.. Донос каждый строчит, заметив, что фигура чья-то изволила разок, другой пошатнуться... Государыня не так глянула на своего придворного и тут же в его адрес сыплется так много обвинений, что правду от кривды уже просто и не отличить. За выбивание истины принимается Тайная канцелярия. А этого заведения «Тайного» даже вельможа первого ранга, как огня боится. Ведется допрос с пристрастием – и начинаются и оговоры, и наговоры. Чем дольше допрашивают, тем больше виновных появляется. А в крепость попал, то считай, пропал. Из крепости прямая дорога на эшафот. Вот только на эшафот поднимается теперь не один, на кого донос поступил, приговоренный, а множество, в том числе и абсолютно невинные, друг друга незнающие...

В первые годы царствования Елизаветы Петровны Тайной канцелярии работы прибавилось: то и дело открывались новые и новые заговоры, вызванные противоборством и интригами приближенных к престолу лиц. В мутной воде каждому рыбку половить хочется. А возможности, если их здорово поискать, всегда находятся. Елизавета Петровна, сохранив жизнь Иоанну VI и его семейству, все время помнила, что ее враги, находящиеся в России, будут, как предлогом, пользоваться восстановлением их на престоле. Опасаться следовало постоянно...

Был прежде крепким ее сон,
Стреляй из пушки – не проснется.
Ждёт нынче бед со всех сторон —
Вот-вот «костлявая» коснется...

И подозрительность пришла
Везде враги могилу роют...
И ждет, чтоб ночь скорей ушла,
Чтоб наступил момент покоя.

Изредка, уединяясь от толпы придворных, Государыня вспоминала те дни, которые проводила а Александровской слободе, будучи в то время просто цесаревной, не имеющей прав на царский престол, а поэтому и не опасной персоной. Она понимала, что всегда имелась воз-

можность появления чего-то неприятного и даже опасного. Но это было бы тогда просто случайностью не прогнозируемой. Случайность она в расчёт тогда не брала, ведя простую жизнь в деревне, Двор цесаревны был тогда мал, люди проверенные – чего ей опасаться?. Летом жила в легком летнем доме, на зиму перебираясь в зимний, на каменном фундаменте, достаточно хорошо утепленный. Всё рядом, всё под руками: и лес, и речка, луга и поля. В церковь пойти – так она во имя Захария и Елизаветы находилась тут же рядом, под боком. Вокруг был разбит большой сад и цветники. Забыв о своем царском происхождении, она дружила с крестьянскими девушками. С ними песни пела, в легком сарафане по зеленой травушке-муравушке, да босиком, с ними хоровод водила. Да и в других девичьих забавах участие принимала. Сердечными тайнами с цесаревной делились девушки Александровской слободы... А она, охоча была до амурных тайн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.